

Вячеслав Недошивин

За фасадом литературы

Золотой век

Голоса забытых квартир.

Где и как жили писатели в Москве
и Петербурге.



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1.09(47.23-2
ББК 83.3(2Рос=Рус)+26.89
Н42

Недошивин, Вячеслав

Н42 Золотой век. Голоса забытых квартир. Где и как жили писатели в Москве и Петербурге. / Вячеслав Недошивин. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 288 с. — (За фасадом литературы).

ISBN 978-5-17-184057-0

Эта книга — уникальный путеводитель по забытым литературным адресам Москвы и Петербурга, путеводитель с «очерками в руках» о необычных, счастливых и трагических судьбах русских писателей России. От улицы к улице, от дома к дому, от подъезда — и уж до самой крыши, вслед за автором вы пройдете сквозь десятки, сотни оживших вдруг зданий, где жили и творили, влюблялись и расставались, ссорились и мирились, пировали и бедствовали выдающиеся поэты и прозаики. И вот тогда, как из тумана, как на переполненных картинках детства, знакомые вам кварталы, переулочки, дома и даже дворы проступят вдруг в новом фантастическом, невиданном ранее обличье и — лично и только для вас! Есть, поверьте, такой загадочный эффект у «истории историй» нашей литературы. Том, который вы держите в руках, первый из трех, что расскажут о великих эпохах нашей словесности — о литераторах Золотого века, Серебряного и нынешнего, который так же условно можно назвать сегодня веком Бронзовым. Ну и вдогонку — удивительных вам прогулок, дорогие читатели!

**УДК 821.161.1.09(47.23-2
ББК 83.3(2Рос=Рус)+26.89**

ISBN 978-5-17-184057-0

© Вячеслав Недошивин, текст, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026



НЕДОШИВИН Вячеслав Михайлович (1945 г.) — писатель (чл. Союза писателей Москвы с 2006 г.), литературовед, кинодокументалист, кандидат философских наук (1985 г.), сценарист фильмов о Давыдове, Тютчеве, Куприне, Грине, Цветаевой и Твардовском, лауреат премии «Золотое перо» за 60-серийный авторский телефильм «Безымянные дома. Петербург Серебряного века» (2003 г.) и диплома Медиасоюза России за 40-серийный телефильм «Безымянные дома. Москва Серебряного века» (2008 г.), лауреат премии Союза писателей Москвы «Венец» за биографию британского классика Дж. Оруэлла «Неприступная душа» (2020 г.), Петербургской литературной премии им. А. Беляева (2022 г.) и Международной литературной премии им. Фазиля Искандера за очерки о русских поэтах и писателях (2026 г.).

НЕДОШИВИН В.М. — автор книг «Прогулки по Серебряному веку. Очень личные истории из жизни петербургских зданий» (2010 г.), «Адреса любви. Дома и домочадцы русской литературы» (2014 г.), «Литературная Москва. Дома и судьбы, события и тайны» (2021 г.), а также энциклопедического двухтомника: «Атлас. Литературная Москва. Домовая книга русской словесности, или 8000 адресов прозаиков, поэтов и критиков (XVIII-XXI вв.)» и «Атлас. Литературный Петербург. Домовая книга русской словесности, или 7000 адресов прозаиков, поэтов и критиков (XVIII-XXI вв.)».

С 2020 г. — автор и ведущий постоянной рубрики исторического журнала «Родина» — «Литературный салон»

Абсолютной правды на земле нет, и потому важно не то,
о чем пишет писатель, не те или другие истины,
которые он якобы открывает, а его собственная личность,
поскольку она велика и своеобразна...

Михаил Арцыбашев

НАПУТСТВИЕ ОТ АВТОРА

«Пешком в историю» — такой могла бы быть рубрика к напечатанным в этой книге очеркам. Пешком в невероятные истории, которые во все времена приключались с русскими писателями и их книгами, и в то же время — пешком в необъятную историю русской литературы, а может, и шире — в историю самой России.

Да, пускайтесь в сие «путешествие» именно что пешком! От улицы к улице, от дома к дому, от подъезда — и уж до самой крыши. Оттого и пишу я не предисловие к книге, как принято, а напутствие. Ведь по сути это — путеводитель, бедекер, дорожная карта для прогулок, походов и экскурсий как по судьбам русской литературы, так и по сотням живых еще адресов тех, кто как раз и создавал ее — выдающихся поэтов и прозаиков.

Встречи, романы, расставания, победы и поражения, ссоры и примирения, творческие взлеты и падения, пиршества и трагедии, да и произведения самих писателей — все, буквально все и во все века имело в реальной жизни свои адреса. И если попытаться соединить их с событиями, происшествиями и чувствами людей, — авторов книг или их героев — то вы, возможно, и не узнаете — есть такой эффект! — привычных улиц, проспектов, дворцов и даже родных вам домов и дворов. Ибо они, как из тумана, как на переводных картинках детства, проступают вдруг в новом облике и — только для вас.

Увяжитесь вслед автору очерков и, как и он, замрите, например, у дома на углу Гороховой и Малой Морской в Петербурге: ведь здесь был когда-то знаменитый ресторан «Дюме», в котором Пушкин «за ботвиньей» познакомился с Дантесом, остроумным кавалергардом, ставшим убийцей поэта. Или пойдемте пройдемся до Мойки, где почти напротив последней квартиры великого поэта поселилась после его смерти его вдова — Таша Пушкина — и целый выводок ее родных и приемных детей.

А где жил Печорин, знаете? Еще не «герой нашего времени» — герой романа «Княгиня Лиговская»? Лермонтов, вообразите, точно назвал координаты: на Фонтанке, «близ Симионовского моста». И мост стоит поныне, и дом, хоть и перестроенный, но цел. Разве это не интересно? И разве не любопытно, в каком доме на Новой Басманной, в Москве, поэтесса Евдокия Ростопчи-

на принимала Александра Дюма или где жил в Петербурге у невероятной Лу Саломе влюбленный в нее молодой еще Рильке? Все, повторяю, имеет адреса: и пролитые, представьте, слезы сурового и бесслезного Куприна на «черной лестнице» дома на Разъезжей, где его не пустила в их общую квартиру его первая жена, и каленное бешенство его друга Бунина, когда в Москве обворовали его последний перед отъездом в эмиграцию дом. Пустяк украли, сунувшийся на кухне табак, но оттого, может, это было и оскорбительней, и обидней...

Все эти очерки в сокращенном виде публиковались в историческом научно-популярном журнале «Родина», где я вот уже четвертый год веду рубрику «Литературный салон». Некоторые были написаны к персональным датам великих русских писателей, которые отмечал журнал (Лермонтов, Тютчев, Чехов), другие — по причудливому выбору или давнему интересу самого автора. Но все — и в этом их схожесть! — непременно были «привязаны» к конкретным адресам жизни в Москве и Петербурге, адресам, которые я искал и устанавливал почти всю жизнь и — для всей русской литературы (отсылаю тех, кому они будут интересны, к двум атласам, изданным мной недавно: «Атлас. Литературная Москва. Домовая книга русской словесности, или 8000 адресов прозаиков, поэтов и критиков» — 736 с. и — «Атлас. Литературный Петербург. Домовая книга русской словесности, или 7000 адресов прозаиков, поэтов и критиков» — 639 с.).

В заключение же скажу: я не обольщаюсь и уверен, что о «героях» моих очерков, представленных в этой книге, будет, как и было уже, написано еще много книг, исследований, заметок и эссе. Может, лучше, может — хуже. Но так, — через рассказы о десятках домов, где они жили, через сохранившие до наших дней городские реалии, через попытку воссоздать сам воздух тех эпох — возможно, никогда!

Хотите доказательств этому? Тогда за мной, читатель! Туда — в чащи городов и — прямиком в истории и историю!



Гончарова Наталья Николаевна, в первом браке
Пушкина, во втором Ланская (1812–1863)

С 1831 года — жена великого русского поэта А. С. Пушкина, мать четверых его детей, адресат его писем и стихов и одна из первых красавиц Петербурга, заступившись за честь которой поэт и погиб на дуэли с Дантесом в 1837 году.

«ТЫ НИ В ЧЕМ НЕ ВИНОВАТА...»

*Наталья Пушкина: что не разглядели в ней
ни современники, ни потомки?*

Точного определения гениальности, говорят, не существует. Но из всего известного меня поразила когда-то фраза Шопенгауэра: «Талант похож на стрелка, попадающего в такую цель, которая недостижима для других; гений похож на стрелка, попадающего в такую цель, которую никто другой даже не видит».

Надо ли говорить, что это целиком относится к творчеству Пушкина? Но вот подумалось: а только ли к творчеству? Ведь если талантливые люди, как гласит расхожее мнение, талантливы во всем, то гениальные — гении и в жизни. Разве не так? Ведь это он, единственный, вопреки будущему мнению злоязычного света, разглядел в 16-летней еще девочке Гончаровой все те богатства души, которые не увидело в ней ни его окружение, ни добрый десяток поколений ее критиков впоследствии. А он, величавший ее «мадонна», «муза», «мой ангел», «царица», «женка», «душка», «бой-баба», — видел. И оказался прав, вопреки будущим мнениям Цветаевой, Ахматовой, Вересаева и скольких еще. Это подтверждают и новые открытия: и в 1990-х, и в 2000-х годах. Ведь и впрямь — «ни в чем не виновата». И более того — ничем не запятнала себя до конца жизни...

Не ошибся гений!

ЛЕТАРГИЯ

(Петербург, наб. Мойки, 12)

Ранним утром 16 февраля 1837 года отсюда, от дома, где скончался поэт, отъехали два экипажа. Вдова с детьми поэта, ее сестра Александрина и два их брата: Дмитрий и Сергей. Путь держали в Полотняный Завод, в калужское имение Гончаровых. Так, следуя завету поэта «Носи по мне траур два года, а потом выходи замуж, но только за порядочного человека», решила сама Наталья Пушкина, которая подходила в те дни и на «ходячий призрак», и на «живой труп».

Дуэль, смерть Пушкина, отпевание, царское прощение поэту, хлопоты друзей и горе родных — все это описано не только с хронологической точностью, но и предельно реалистично. Однако что

касается его вдовы, здесь и поныне многое выглядит фантастично, каким-то провидением, чуть ли не вмешательством высших сил.

Вот «летаргия», например — словечко, вырвавшееся у друга дома Пушкиных, у Веры Вяземской, в первую ночь после поединка поэта. Чудо ведь, чуть ли не забота самих небес!

Помните, врач Арендт уже сказал поэту, что рана его смертельна? Помните, что Владимир Даль посоветовал Пушкину для «облегчения боли» стонать, а поэт ответил: «Смешно же, чтобы этот вздор меня пересилил»? Но ночью, когда даже тайно спрятал под подушкой пистолет, чтобы застрелиться, не выдержал страданий и — закричал.

Этого не забыл никто. Никто — кроме Натали. Она, Александра и Вяземская находились за тонкой дверью и все трое могли слышать даже «малейшие шорохи» в комнате поэта. Но, пишет Вяземская, как только он закричал, Наталья Николаевна вдруг... «провалилась в сон». Вяземская даже испугалась, не умерла ли. Но это была летаргия и длилась она — невероятно! — ровно столько, сколько стонал поэт. Жуковский скажет потом: «Что было бы с бедною женою, если бы она в течение двух часов могла слышать эти крики: я уверен, что ее рассудок не вынес бы этой душевной пытки...»

Вот что это? Случайность, божественная воля, непостижимая умом физиология? Или все-таки великая любовь? И гения Пушкина, и его гениальной — да, гениальной! — жены. Любовь и к их общим детям, наконец: к четырехлетней Машке, трехлетнему Сашке, двухлетнему Гришке и восьмимесячной Наташке, как звал их сам поэт. Вот кому нужны были и рассудок, и силы матери.

И второй факт. Она, кого свет уже заклеил как «пустую кокетку», почему-то не захотела покидать этот дом, не дождавшись всего-то листочка бумаги. Листка со стихами Лермонтова на смерть поэта, ходившими уже «в списках». Впрочем, это «не-терпение сердца» еще можно объяснить; ей было дорого все, связанное с гибелью мужа. Необъяснимым здесь было то, что мы знаем ныне, а она умрет, так и не узнав. Что никому еще не известный автор стихов о дуэли, был, как теперь установлено, не только племянником Пушкина «в десятом колене», но и пятиродным братом самой Натали. И если помнить это, то уже неудивительна та встреча, которая состоится у них и о которой я еще расскажу.

МОНАШКА... БЕЗ МОНАСТЫРЯ (Петербург, Почтамтская ул., 12/6)

Обо всем этом невозможно не думать у дома на Почтамтской, где с осени 1838-го, после Полотняного Завода, поселилась с детьми и неизменной Александриной пушкинская вдова. Невозмож-

но, потому что строже монастыря, чем собственноручно «выстроенный», трудно и вообразить.

Наталья не рвалась в Петербург, что делает ей честь. Ее заставила вернуться в город родня. В переписке ее братьев говорится об их тетке, которая «уже сняла дом, чтобы заставить сестер приехать». «Заставить» — именно этот императив употреблен в письме! Да, тут, на втором этаже этого уцелевшего дома на Почтамтской, поселилась вдова поэта с сестрой и детьми, а на третьем уже жили ее тетушка Софья Ивановна Местр (Загряжская) и ее муж, секретарь австрийского посольства Ксаверий де Местр. Резоны покинуть сестрам Полотняный Завод у родни их, конечно, имелись: надо было давать образование детям (старшей, Марии было уже 6 лет) и что-то делать с «засидевшейся в девках» 27-летней Азей, сестрой Натали.

Но, господи, что это была за жизнь у сестер, когда-то блиставших в Петербурге?!

«Таша и Сашенька не очень веселятся, — сообщал их брат Иван. — Они мало выходят и проводят все вечера в гостиной тетушки Местр, хотя и богато обставленной, но скучной до невозможности». Плетнёв, друг Пушкина, навестив их, написал: «Живут... монашески. Никуда не ходят и не выезжают... Пушкина очень интересна. В ее образе мыслей и особенно в ее жизни есть что-то трогательно возвышенное». А сама она в письмах сообщала, что «ничего особенного хорошего» сказать не может: «Все почти одно и то же, время проходит в беготне сверху вниз и от меня во дворец. Не подумай, однако, что в царский; мое сиятельство ограничивается тем, что поднимается по лестнице к тетушке». Через год напишет: «Здесь тягостно, чем дальше, тем тяжелее. Дети растут. Маше 8 лет, и пора доверить ее воспитателям. Но чем расплачиваться? На самое необходимое уже не всегда хватает. Подчас голова у меня идет кругом... Редки те дни, когда сердце у меня не щемит». Это подтверждала и Александрина: «Силы ей изменяют, она теряет остатки мужества, бывают дни, когда она совершенно падает духом...»

Изредка дом навещали родные и друзья. Был как-то отец Пушкина (пришел проведать внуков), бывала баронесса Евпраксия Вревская («Г-жа Пушкина меня просто очаровала») и уже упоминавшийся Плетнёв. А однажды на пороге возникло родное лицо из прошлого — «дядька» Пушкина, Никита Козлов. Он, служивший теперь рассыльным в «Современнике», принес восемь томов посмертного собрания сочинений поэта. Нет, царь не обманул и не обманет памяти Пушкина. Помните его записку: «Первое — заплатить долги. Вдове — пенсия, и дочери — по замужеству. Сыновей — в пажи. Сочинения издать на казенный счет в пользу вдовы и детей».

Все будет исполнено до буквы. Но радости да благости в ее «монастыре» это, увы, не прибавляло. Единственным украшением существования стала та последняя встреча в 1841-м — последнем году ее жизни тут.

Я говорю о Встрече (именно так, с большой буквы!) с Лермонтовым — с братом по духу.

ПОБЕДА СЕРДЦА

(Петербург, Гагаринская ул., 16).

Вообще, все встречи были весной и все — в салоне Софьи Карамзиной. Тут, «за чаями Софи» на Гагаринской, Наталья Николаевна виделась с Вяземским, с Баратынским, с поэтессой Ростопчиной, даже с близким приятелем ее покойного мужа — Соболевским.

И тут она впервые увидела Лермонтова.

Не знаю, слышала ли она здесь чтение его поэмы «Демон», но все встречи до последней они «сидели по разным углам». Александра Арапова, ее дочь от брака с Ланским, вспоминала потом по рассказам матери, что только «один частый посетитель как будто чуждался ее, и за изысканной вежливостью она угадывала предвзятую враждебность... Матери, — пишет, — это было тем более чувствительно... но врожденная застенчивость, смутный страх сковывали уста». И лишь в последний вечер (12 апреля 1841 года), когда Лермонтов перед ссылкой на Кавказ приехал проститься с друзьями, преграда пала.

«Уступая какому-то необъяснимому побуждению, поэт, к великому удивлению матери, завладел освободившимся около нее местом и с первых слов завел разговор, поразивший ее своей необычайностью... Он точно стремился заглянуть в тайник ее души и, чтобы вызвать ее доверие, сам начал посвящать ее в мысли и чувства, так мучительно отравлявшие его жизнь... Мать поняла, что это исповедь... и простыми, прочувствованными словами пыталась ободрить, утешить его...

— Я чуждался вас, малодушно поддаваясь враждебным влияниям, — признался ей Лермонтов. — Я видел в вас только холодную неприступную красавицу... и только накануне отъезда надо было мне разглядеть под этой оболочкой женщину, постигнуть ее обаяние искренности... Но когда я вернусь, я сумею заслужить прощение и, если не слишком самонадеянна мечта, стать когда-нибудь вам другом.

— Прощать мне вам нечего, — ответила она, — но если вам жаль уехать с изменившимся мнением обо мне, то поверьте, мне отраднее оставаться при нем...»

Дом этот тоже цел. И там за полукруглым окном на последнем этаже и случилась эта встреча. Отсюда 12 апреля поэт и уехал на Кавказ, где через три месяца и три дня будет убит. И здесь же, прощаясь с друзьями, он, подойдя к тому самому окну, откуда говорят, видна была тогда и Фонтанка, и Летний сад, и сочинил самый горький по символике экспромт, стихи «Тучки небесные...». Говорят, что при этом глаза его блеснули слезой!..

Это видела и Натали. Она не упомянет об этом, но, узнав о гибели поэта, грустно, однако счастливо заметит: «Случалось в жизни, что люди поддавались мне, но я знала... из-за красоты. Этот раз была победа сердца. Даже и теперь мне радостно подумать, что он не дурное мнение обо мне унес с собою в могилу...»

И горе, и радость! Нет, так могла сказать только она.

УВИДЕТЬ... ПАМЯТЬ (Петербург, наб. Мойки, 11).

Вдова Пушкина еще в Полотняном Заводе, «выписав себе» все сочинения мужа, честно призналась, что «пыталась их читать», но у нее «не хватило мужества: слишком мучительно они волнуют, читать его — все равно что слышать его голос, а это так тяжело!» Слова эти известны. Их даже пытались «использовать» против нее: дескать, «пустельга», могла ли она понять гения. Но никто почему-то не отметил, что из тысячи домов города она, разбегавшись в 1841-м с Местрами, выбрала для себя именно этот старый, тогда еще четырехэтажный дом лампового мастера Себастьяна Китнера.

Пишут, что переехала, чтобы быть поближе к ее тетке, Екатерине Ивановне, которая заботилась о ее детях. И — не обращая внимания на адрес: Мойка, 11. На то, что окна ее не только упирались через реку в Конюшенную церковь, где отпевали когда-то Пушкина, но и позволяли видеть на том берегу дом № 12, где жила она сама и где скончался поэт. А ведь это и значит — увидеть дорогую тебе память. Ровно так же, как годами раньше она «слышала» ее же — свою память, перечитывая сочинения мужа. Как тут не вспомнить Шопенгауэра с его формулой гениальности?..

Пушкин, как мы знаем, умер в пятницу. Но многие ли помнят, что ровно 26 лет после этого она каждую пятницу (!) не только одевалась в черное, но и держала траурный пост? Даже когда Натали оказалась как-то в провинции, где всю ее семью пригласили на прием, люди запомнили: когда «всех, наконец, позвали к столу», она тихо ушла «в другую залу и там ходила взад-вперед до окончания ужина». Память! Надо ли говорить, что в этом уже

доме она что ни день водила Машку, Сашку, Гришку и Наташку (как звал их, повторяю, Пушкин!) молиться в Конюшенную церковь и — пройтись вдоль помудревшей уже Мойки мимо окон бельэтажа, где скончался их отец, где счастливо жила она сама и против которых, пишут, восхищаясь ее красотой, часто проезжал сам Николай I.

С царем, кстати, Наталья виделась. Они случайно столкнулись в Английском магазине (Петербург, Невский пр-т., 16/7), где оба выбирали подарки на Рождество 1841 года. Впервые после смерти Пушкина, через четыре года. «Милостиво поговорив с вдовой», царь, пишут, через ее тетку, Е. И. Загряжскую, пригласил ее вновь «бывать при дворе».

Ей это было без надобности, это больше было нужно Азе, которая получила шифр фрейлины и жаждала хоть какого-то успеха в поисках жениха. Иногда Натали сопровождала сестру на балы (той по правилам, как незамужней, нельзя было появляться на них без сопровождения либо высокородных теток, либо дамы-вдовы), но, как подсмотрел свидетель, она пряталась на хорах и сверху смотрела на танцы сестры. Однако однажды, и то лишь через год после приглашения, теперь уже по приказу двора, ей пришлось посетить костюмированный бал в Аничковом дворце (Петербург, Невский пр-т., 39).

К тому дню Наталье, жившей стесненно, тетка подарила наряд в «библейском стиле»: фиолетовый кафтан, широкие шаровары и легкое покрывало из белой шерсти. Немудрено, что, вступив во дворец, она настолько приковала к себе всеобщее внимание, что это заставило ее искать «укромный уголок». Увы, император сам нашел ее, подвел к императрице и торжественно провозгласил: «Смотрите и восхищайтесь!..» — «Да, прекрасна, — улыбнулась в ответ царица, — в самом деле прекрасна!..» И даже велела придворному художнику тут же запечатлеть ее в этом наряде: «для потомства».

Портрет этот не уцелел, но сохранились слова Пушкиной, сказанные потом дочери: «Мне легче было провалиться сквозь землю, чем выстоять перед всеми, точно впившимися в меня взглядами...» Она и позже, уже в письме мужу Ланскому, напишет: «Втираться в интимные придворные круги — ты знаешь мое к тому отвращение... Я нахожу, что мы должны появляться при дворе, только когда получаем на то приказание, в противном случае лучше сидеть дома...»

Она и сидела в этом доме почти взаперти три года: возилась с детьми, ублажала как могла сестру Азию, которая с годами становилась все раздражительней и нетерпимей, терпела теток, навещавших по вечерам детей, изредка принимала гостей — родню

и друзей Пушкина. «В понедельник обедал у Natalie Пушкиной с отцом и братом поэта, — писал уже в 1842-м все тот же Плетнев другу Гроту. — Все сравнительно с Александром ужасно ничтожны. Но сама Пушкина и ее дети — прелесть». В другом письме сообщает: «Ей хочется даже мальчиков, до университета, не отдавать в казенные заведения. Но они записаны в пажи — и у нее мало денег для исполнения этого плана».

Да, денег не хватало катастрофически. И несмотря на это, она, еще в этом доме, отвадила аж трех богатых женихов. С друзьями шутила: «Во-первых, что не пойдет замуж, а, во-вторых, никто ее и не возьмет». Но когда тот же Грот упрекнул ее тем, что «в сердце рана уже зажила», друзья дружно вступились за нее: «Не обвиняйте ее. Она святее и долее питает меланхолическое чувство, нежели бы сделали это многие другие...»

Один из женихов, богатый дипломат Николай Столыпин, «отскочил» от нее якобы из-за «грозного призрака четырех детей» (на деле ей было известно, что в «дуэльной истории» он был на стороне Дантеса), другой, секретарь неаполитанского посольства, граф Гриффео, «потеряв надежду на легкий роман с вдовой», отвалил сам, а третий, невероятный богач, князь Александр Голицын, получил от ворот поворот, когда посланный им человек высказал его предложение отдать детей Пушкина в «закрытые учебные заведения». Тут наша «бой-баба» уже не стерпела. Она, как пишет ее дочь, с жаром воскликнула: «Кому мои дети в тягость, тот мне не муж!..»

И да ведь! Вступила в конце концов в брак, но в тот, который ядовитый Модинька Корф, лицейский товарищ Пушкина, ехидно назовет потом союзом «голода с жаждою»...

«Ай да Пушкин!» — хочется воскликнуть здесь словами поэта. Не ошибся, нет, не ошибся в выборе «женки»!

«ВЫ ОБА ДОСТОЙНЫ СЧАСТЬЯ...» (Петербург, ул. Труда, 8/26)

«Двери закрываются. Следующая станция Ланская» — так, наверное, звучит ныне объявление в уходящих с Финляндского вокзала электричках. В моем детстве объявлений не было — мы просто проезжали первую от города Ланскую, когда ехали купаться в Озерки или Шувалово. Но разве мы знали тогда, что станция называлась так по имени богатых землевладельцев этой окраины, далеких предков Петра Ланского, ставшего счастливым мужем Пушкиной? И главное — догадывались ли, что отсюда рукой было подать до Черной речки, на которой стрелялись Пушкин

и Дантес? А ведь это опять нечаянная символика, но опять — и горестная, и радостная. И смерть, и жизнь!..

Петр Ланской, дослужившийся до генерал-майора, был, по тогдашним понятиям, беден, от предков ему, увы, не досталось ничего. А кроме того, он никогда бы не стал мужем Пушкиной, если бы не случайная посылка, доставленная им на Мойку...

Он отпросился в отпуск «по болезни» и в 1844-м в Баден-Бадене случайно подружился с братом Натали — Иваном. Тот и попросил Ланского передать сестре письмо и небольшую посылку. Так, осенью 1844 года генерал, убежденный холостяк и, кстати, ровесник Пушкина, оказался в квартире на Мойке. И — потерял голову.

Всю зиму он лишь учащал свои визиты сюда, хотя и понимал — его военного жалованья не хватит, чтобы содержать такую большую семью. У него и перспектив-то не было, кроме возможного повышения, но тогда уже в провинцию, куда, мучился он, не поедет уже она, которой надо было давать образование детям.

Но, говорят, счастливым везет! Второй раз он потерял голову 9 мая, когда император неожиданно для него назначил его командиром столичного лейб-гвардии Конного полка, шефом которого сам и являлся. Мало того что зарплата Ланского увеличивалась, так теперь ему еще полагались большая служебная квартира в расположении полка, дача, выезд и многое другое «по мелочи», включая казенные дрова на зиму. Никто не пишет, увы, как он попросил руки у уже любимой им «монашки», но согласие было получено. А когда он, как было положено, явился к царю с просьбой о разрешении вступить в брак, Николай I сказал: «От души радуюсь твоему выбору!.. Что она красавица, это всякий знает, но ты сумел оценить в ней честную и прямую женщину. Вы оба достойны счастья... Передай ей, что я хочу быть у нее посаженным отцом и сам благословить ее на новую жизнь...»

Удивительно, но вдова Пушкина уклонилась от приглашения царя на свадьбу. Смело? Не то слово. И это, к ее чести, было не в первый раз. Она, пишут, сделала все, чтобы свадьба прошла в «узком семейном кругу». А когда Ланской попытался оправдаться за это, царь прервал его: «Довольно! Я понимаю и одобряю те соображения, которые делают честь чуткости ее души. На другой раз предупреждаю... я хочу и буду крестить твоего первого ребенка». И почти сразу прислал ослушнице бриллиантовую брошь с подвеской.

Эх, эх, сколько сплетен, досужих вымыслов и грязи породила жизнь вдовы гения после его смерти. Тот же Дантес, писали, якобы хвастался во Франции, что добился ее в постели. Ложь! Опубликованные в 1995-м два десятка писем его к Геккерну говорят об обратном: «Она осталась чиста... Нет другой женщины, которая повела бы себя так же. Это ангел, сошедший с небес».